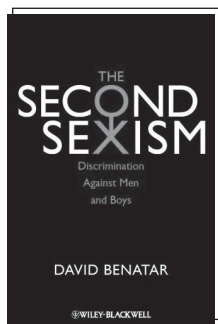
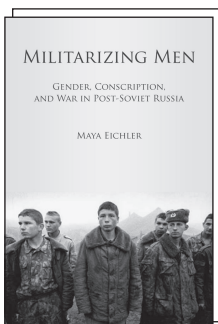

David Buchbinder. *Studying Men And Masculinities.* L.; N.Y.: Routledge, 2012. 216 p.

David Benatar. *The Second Sexism: Discrimination Against Men and Boys.* Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. 304 p.

Maya Eichler. *Militarizing Men: Gender, Conscriptioin and War in Post-Soviet Russia.* Stanford: Stanford University Press, 2011. 256 p.

Данные монографии посвящены анализу современных маскулинностей и тех условий российского и западного общества, в которых они конструируются и воспроизводятся. В центре внимания их авторов оказываются различные явления, сопряженные с конструктом маскулинности: кризис маскулинности (Buchbinder), неправомерная дискриминация мужчин (wrongful discrimination) (Benatar) и милитаризация и военизированные маскулинности (militarization, militarized masculinities) (Eichler).

Данные монографии посвящены разным темам, их авторы по-разному подходят к анализу интересующих их явлений, но все три публикации являются ощутимым вкладом в дальнейшее развитие мужских исследований.

Книга Дэвида Бухбиндера — своего рода продолжение его предыдущей работы “Perfomance Anxieties: Re-producing Masculinity” [1998]. Обращаясь к произведениям поп- и массовой культуры, исследователь анализирует современный репертуар западных маскулинностей. Однако если его предыдущая книга была посвящена прежде всего пробелам в репрезентации маскулинностей и мужских сексуальностей современными текстами, кинематографом и СМИ, то в своей последней работе Бухбиндер пытается найти ответ на следующий вопрос: является ли широко обсуждаемый «кризис маскулинности» уникальным историческим явлением и инкорпорирован ли этот кризис в саму маскулинность? Ответ на первый вопрос исследователь дает уже в первой главе: нет, «кризис маскулинности» — явление не уникальное, мы можем обнаружить его практически в любой исторический период, о котором у нас имеется достаточно информации. В качестве доказательства он приводит разнообразные реакции, которые возникали в ответ на дискурс о кризисе маскулинности в разные периоды времени в различных обществах: от моральной паники до фашизма (Р. 7–17). С ответом на второй вопрос приходится труднее: он требует глубокого осмысления категории «маскулинность», чему исследователь и посвящает остальную часть своей работы.

Бухбиндер подробно рассматривает несколько ключевых теорий и понятий гендерных исследований, объясняющих феномен маскулинности и механизмы ее конструирования и воспроизводства. Их выбор во многом обусловлен тем, что исследователь стоит на позиции социального конструктивизма, а также тем значением, которое они в настоящее время имеют для гендерных и мужских исследований. Однако стоит отметить, что в центре внимания автора оказываются далеко не все, но наиболее «известные» или «популярные» (если так можно выразиться) теоретические подходы и концепции. Бухбиндер обращается к работам Гейл Рубин, Юлии Кристевой, Мишеля Фуко и его категориям дискурса, власти и противостояния, Роберта Коннелла и его классификации маскулинностей, Джудит Батлер и квин-теории. Используя категориальный аппарат и теоретические подходы, разработанные данными исследователями, автор монографии выдвигает не новый для гендерных и мужских исследований тезис о том, что маскулинность — это сложный социальный конструкт, неразрывно связанный с гендерной идеологией общества, ключевыми характеристиками

которого являются множественность и историчность¹. В качестве доказательства автор приводит результаты некоторых антропологических исследований и произведения классической и популярной культуры, в частности роман «Бойцовский клуб» Чака Паланика и одноименный фильм, снятый по его мотивам, роман «Орландо» Вирджинии Вульф, роман «Левая рука тьмы» Урсулы Ле Гуин, сагу о Гарри Поттере, сериал «Декстер» и др.

Кажущиеся на первый взгляд спорными такие особенности монографии, как подборка теорий, представленных в книге, характер иллюстративного и доказательного материала, отсутствие в тексте статистических данных и данных последних социологических исследований, по замыслу автора обусловлены тем, что книга предназначена для широкого круга читателей, в том числе и для тех, кто плохо знаком (или не знаком вовсе) с гендерными и мужскими исследованиями и / или социологией (Р. viii–x). Так, обращение к классическим и популярным текстам объясняется их доступностью и понятностью для любого читателя, а специфический подбор теорий — стремлением автора сузить фокус, так как мужские исследования являются довольно обширной областью научного знания, и побудить читателя к дискуссии и / или дальнейшим самостоятельным изысканиям. Однако оправданно ли сразу представлять вниманию плохо подготовленного (а то и неподготовленного вовсе) читателя таких непростых теоретиков гендерных исследований, как Джудит Батлер и Роберт Коннелл, и совсем не упомянуть вклад в развитие этой области академического знания таких исследователей, как Гоффман, Гарфинкель, Вест и Зиммерман? Стоит отметить, что поставленные перед книгой задачи автор решает не только с помощью содержания, но и с помощью формы. В конце каждого раздела приводится небольшой блок так называемых заданий (activity) — список вопросов, утверждений или задач, над которыми читателю предлагается поразмышлять, в конце каждой главы — небольшой список научной литературы, которую автор рекомендует для самостоятельного изучения.

Благодаря характеру материала, собранного в работе, и форме его подачи данная книга представляется скорее хорошим и качественным учебным пособием по маскулинности, нежели классической монографией, опубликованной по результатам научного исследования (как, например, работа Майи Айхлер,

¹ Множественность маскулинности выражается в том, что в обществе всегда представлено несколько моделей маскулинности; историчность маскулинности заключается в том, со временем различные модели маскулинности претерпевают изменения.

которая будет рассмотрена чуть позже). Она несомненно будет полезна тем, кто только знакомится с мужскими и гендерными исследованиями, но вряд ли откроет нечто новое для тех, кто уже давно работает в данной области академического знания. Неоспоримым достоинством работы является простое и понятное объяснение теорий и концепций, представленных в книге (эссенциализм vs социальный конструктивизм, гендер и идеология, квир-теория, фаллоцентризм и др.), и ключевых понятий, таких как «пол», «гендер», «сексуальность», «желание».

Монография Дэвида Бенатара, название которой предположительно является своеобразной репликой на книгу-эссе Симоны де Бовуар «Второй пол», посвящена дискриминации и сексизму в отношении мужчин и мальчиков. Тема эта сложная, «скользящая» и не самая популярная как в академической среде, так и в обществе. К ней обращаются редко и неохотно — чаще всего в публичных дебатах о неэффективности традиционного гендерного порядка в условиях современного постиндустриального мира, когда необходимо доказать тезис о том, что негативные последствия патриархата распространяются не только на женщин, но и на мужчин (пусть и не на всех). Однако спектр упоминаемых в подобных обсуждениях проблем и форм дискриминации, с которыми мужчины сталкиваются сегодня, очень мал. Чаще всего речь идет об ущемлении права отца на опеку над детьми в ситуации развода, обязательной военной службе и высокой смертности мужчин в развивающихся странах и меньшей продолжительности жизни мужчин в развитых. Другие формы либо не упоминаются, либо сознательно замалчиваются участниками дискуссий ввиду их чувствительности и / или недостатка информации о них (например, проблема сексуального насилия в отношении мужчин).

Кроме того, иногда в дискуссии апелляция к проблеме дискриминации мужчин вызывает некоторое недоумение ее участников, обусловленное тем, что мужчин до сих пор принято рассматривать преимущественно как доминирующую группу, которая ввиду занимаемого ими положения не может подвергаться дискриминации, или расценивается как попытка отвлечь внимание от проблем дискриминации женщин.

Осознавая всю сложность и многогранность феномена дискриминации мужчин и мальчиков, а также научных и общественных дебатов на эту тему, Бенатар в своей работе старается подойти к анализу данного явления максимально основательно и аккуратно. Прежде всего, он пытается предвосхитить возможные обвинения в свой адрес в отрицании дискриминации и сексизма в отношении женщин, в антифеминистских взгля-

дах и консерватизме и потому во введении довольно подробно объясняет свою позицию по вопросам феминизма, равноправия полов и изучаемой проблемы. Помимо этого во введении Бенатар представляет разработанный им в рамках данного исследования категориальный аппарат, чрезмерная детализация которого также, по-видимому, служит стремлению автора избежать несправедливых обвинений и критики со стороны феминисток в недостаточной гендерной чувствительности в вопросах дискриминации по признаку пола.

Автор вводит и различает такие понятия, как «второй сексизм», «неблагоприятное положение» (disadvantage), «дискриминация», «неправомерная дискриминация» (wrongful discrimination). К сожалению, однозначных и четких определений этих терминов он не дает, хотя и старается объяснить их с помощью различных (не всегда удачных) примеров (Р. 2–5). Так, ситуацию, когда у мужчины, больного гемохроматозом¹, не идут месячные, по мнению Бенатара, стоит расценивать как неблагоприятное положение / состояние мужчины (disadvantage). Неблагоприятное положение / состояние отличается от дискриминации тем, чем последняя обусловлена некоторой деятельностью (индивидов, институтов или государства), социальной структурой или практиками (Р. 3), в то время как неблагоприятное положение — это скорее нечто предзаданное, например физиология.

Далее стоит различать дискриминацию и неправомерную дискриминацию. Там, где обычная дискриминация может быть оправданна, неправомерная дискриминация морально недопустима (Р. 3). Например, если страховка мужчины в отличие от страховки женщины не включает процедуры по диагностике рака груди, то это дискриминация, однако назвать такую дискриминацию неправомерной нельзя, так как подавляющее большинство больных раком груди — женщины. Если же учитель сознательно занижает оценку ученику того или иного пола — это уже неправомерная дискриминация. В свою очередь, неправомерная дискриминация по признаку пола — сексизм (Р. 3–5). При этом первый сексизм (first sexism) — это сексизм в отношении женщин, а второй сексизм — это сексизм в отношении мужчин и мальчиков (Р. 11).

¹ Гемохроматоз — это «наследственное заболевание, при котором у человека наблюдается повышенная усвояемость и избыточное накопление железа в организме. Это приводит к повреждению и нарушению функции многих органов, в том числе печени, поджелудочной железы и эндокринных желез. Основными проявлениями заболевания являются бронзовая окраска кожи, сахарный диабет и печеночная недостаточность. Избыточное железо может быть удалено из организма с помощью кровопускания или путем назначения больному хелатирующих веществ» [Большой толковый медицинский словарь 2001].

Категориальный аппарат, представленный в монографии, производит двоякое впечатление. С одной стороны, понятна попытка автора разграничить и детально операционализировать довольно близкие понятия. Бенатар стремится максимально четко обозначить предмет и границы своего исследования. С другой стороны, большинство терминов вызывает вопросы. Приемлемо ли в общем рассуждать о физиологических различиях полов в категориях преимущество — недостаток? Можем ли мы оценивать вне определенного контекста наличие или отсутствие тех или иных функций организма как неблагоприятное состояние?

Вызывает сомнения и целесообразность употребления в работе термина «неправомерная дискриминация». Сказать, что данный термин часто употребляется в общественных науках как западными, так и российскими исследователями, нельзя. Возможно, это связано с тем, что чаще всего вполне достаточно термина «дискриминация», который обозначает то же самое явление, что и «неправомерная дискриминация» в определении Бенатара, однако не содержит в себе скрытой тавтологии. В общественных науках под дискриминацией принято понимать «умаление (фактически или юридически) прав какой-либо группы граждан по мотивам их национальности, расы, пола, вероисповедания и т.п.» [Большой энциклопедический словарь 2008], «несправедливое или предвзятое отношение к различным категориям людей, особенно по признаку расы, возраста или пола» [Oxford Dictionaries 2013]. В этой связи не совсем понятно, как *несправедливое* или *предвзятое* [здесь и далее курсив мой. — А.А.] отношение к определенной группе людей по признаку их половой принадлежности может быть «морально приемлемым» (Р. 3), допустимым или неправомерным. И почему в случае со страховкой и покрытием процедур по диагностике рака груди (пример различия дискриминации и неправомерной дискриминации, упомянутый выше) автор считает дискриминацию мужчин оправданной, хотя рак груди не является исключительно женским заболеванием?

К сожалению, чрезмерная детализация и неоднозначные, а порой и откровенно спорные логические операции и рассуждения — проблема не только вводной части монографии, но всей книги в целом. Такие безусловные достоинства данной работы, как качественный мета-анализ, обращение преимущественно к первичным источникам и разнообразный и интересный материал теряются за многочисленными размышлениями и комментариями автора (например, о возможном росте эффективности боевых подразделений, если в их состав включить женщин-добровольцев (Р. 106–109)), которые вместе со слож-

ной для восприятия структурой текста постоянно уводят читателя в сторону.

В рамках достижения заявленной цели монографии — привлечь внимание к проблеме сексизма в отношении мужчин — Бенатар сначала обращается к тем сферам, в которых мужчины чаще всего оказываются в ущемленном положении (disadvantaged). Он выделяет воинскую повинность и участие в боевых действиях, насилие, телесные наказания, сексуальное насилие, обрезание, образование, права отцов, телесную неприкосновенность, продолжительность жизни, содержание под стражей и смертную казнь. Далее он рассматривает причины, по которым мужчины оказываются ущемленными в данных сферах, и доказывает, что такое положение мужчин является следствием их неправомерной дискриминации. Затем он отвечает на возможные возражения противников идеи о существовании дискриминации мужчин и мальчиков и выражает свое (к слову, негативное) отношение к аффирмативным действиям как методу борьбы против неправомерной дискриминации и сексизма. В заключение подводит итоги.

Такая структура подачи материала представляется довольно громоздкой, так как вынуждает автора неоднократно повторять некоторые тезисы и аргументы, а также делать многочисленные отсылки к положениям в разных разделах монографии. Возможно, достижению поставленной цели больше способствовала бы не многоуровневая, а линейная логика изложения материала. Если бы автор последовательно рассматривал каждую форму дискриминации и сексизма, включая возможные возражения против признания ее таковой, причины, последствия и т.п., это в значительной мере облегчило бы читателю восприятие представленного в работе материала и ориентацию в нем.

После прочтения этой книги остаются довольно смешанные чувства. С одной стороны, данная работа посвящена интересной и актуальной теме, о которой мало кто решается говорить столь прямо и откровенно (помимо критиков феминизма, в частности Кристины Хофф Соммерс), как это делает Дэвид Бенатар. Кроме того, как уже было отмечено ранее, в ней представлен качественный анализ различных данных, результаты которого являются убедительным доказательством позиции автора по вопросу дискриминации мужчин и мальчиков. С другой стороны, в книге отсутствует описание теоретической рамки и методологии исследования. В совокупности с другими недостатками публикации (непростая структура изложения материала, чрезмерная детализация тезисов, аргументов и ка-

тегориального аппарата, неоднозначность некоторых логических операций) создается впечатление, что автор не столько представляет результаты своего научного исследования, сколько пытается доказать свою точку зрения противникам идеи о дискриминации мужчин и дискутирует с радикальными феминистками.

Третья книга «Военизируя мужчин: гендер, воинская обязанность и война в постсоветской России» Майи Айхлер представляет результаты исследования процесса милитаризации (*militarization*) и военизированных маскулинностей (*militarized masculinities*) в постсоветской России, которое проводилось в Самаре методом глубинного полуструктурированного интервью. Всего было проведено 24 интервью с солдатскими матерями, призывниками-уклонистами и ветеранами чеченских и других войн. Выбор территориальных рамок исследования был обусловлен желанием Айхлер избежать главного недостатка многих западных исследований в этой области — сосредоточенности исключительно на центральных и наиболее заметных организациях солдатских матерей Санкт-Петербурга и Москвы. Обращение к организациям этих двух городов, по мнению исследовательницы, дает несколько искаженное представление о гендере и милитаризации в постсоветской России ввиду того, что негосударственные московские и петербургские организации чаще всего так или иначе взаимодействуют с западными организациями и таким образом подвергаются влиянию западных идей. Целью же исследования Айхлер была проанализировать, как российские *региональные* негосударственные объединения выражают свое отношение к армии и сопряженным с ней процессам.

Еще одной причиной, по которой исследование проводилось в Самаре, послужил тот факт, что войска Самарского военного округа принимали участие в обеих чеченских кампаниях, и потому в Самаре представлены многочисленные местные и региональные организации по работе с ветеранами этих войн. В центре внимания исследовательницы оказываются сложные «отношения между мужскими идентичностями и российской государственной политикой военной службы по призыву и военными действиями в Чечне». Айхлер интересуется, как государство и военные лидеры, с одной стороны, и социетальные акторы и отдельные индивиды, с другой стороны, воспроизводят или оспаривают / опровергают связь между маскулинностью и армией в постсоветской России.

Одним из последствий масштабных социально-политических и экономических трансформаций, которые Россия переживала после падения коммунистического режима и распада Совет-

ского Союза, стало изменение гендерного порядка. Под влиянием новых рыночных механизмов и либеральной идеологии возникли новые практики повседневности, гендерные роли, идеологии и контракты, произошло переосмысление нормативных моделей советской мужественности и женственности [Темкина, Роткирх 2002; Пушкарева 2012]. Гегемонная советская маскулинность, основополагающей идеей которой было служение Родине (государству) и защита отечества [Здравомыслова, Темкина 2002], перестает быть доминирующей моделью. На смену ей приходят новые модели, в рамках которых мужская идентичность оказывается неразрывно связанной с рыночной экономикой [Шевченко 2002].

В результате этого, как отмечает Айхлер, государство, утратившее лидирующую роль в конструировании гендерного порядка, столкнулось с серьезными проблемами в сфере милитаризации. Это нашло отражение в росте числа дезертиров, уклоняющихся от обязательной военной службы, и активистов-противников воинской службы по призыву и военных действий, в частности солдатских матерей. Связь между мужским гражданством и службой в армии ослабла.

Под милитаризацией исследовательница понимает «процесс, в рамках которого происходит установление и усиление центральной роли армии и военных в государстве и обществе». При этом центральную роль армии и военных своими действиями и верой поддерживают политики, общество и отдельные индивиды. В постсоветской России этот процесс начался относительно поздно — в первом десятилетии XXI в., в период правления президента Владимира Путина, и совпал с началом второй чеченской кампании.

Однако Айхлер рассматривает не только период ремилитаризации времен второй чеченской кампании. Она анализирует, как постепенно изменяются государственная политика милитаризации и отношение общества к ней в советское время. В центре ее внимания оказываются те вызовы, с которыми советская политика милитаризации и военизированные маскулинности сталкиваются накануне и в первое время после распада Советского Союза в результате политической деятельности Горбачева и войны в Афганистане.

Стоит отметить, что особое внимание Айхлер уделяет анализу обеих чеченских войн. Исследовательница изучает их последствия, рассматривает их причины и ход военных действий, что позволяет лучше понять механизмы влияния обеих кампаний на трансформацию государственной идеологии и отношения общества к армии и военным, а также сопряженным с ними

явлениям, таким как воинская обязанность, служба по контракту, ветераны и т.п.

Сказать, что представленный анализ совсем не вызывает вопросов и критических замечаний, нельзя. Так, в частности, не совсем понятно, почему Айхлер практически никак не упоминает дискурс о геноциде нечеченского населения в Чечне в начале 1990-х гг. [Маркедонов, Силаев 2005], хотя было бы интересно проследить, во-первых, когда он впервые возникает, а во-вторых, как и когда использовался политиками. Между тем очевидно, что исследовательница пыталась быть максимально объективной и критически осмыслять имеющиеся данные.

Исследование показало, что ни первая, ни вторая чеченская война (хотя вторая и получила большую общественную поддержку) ожидаемых результатов не дали и мобилизовать молодых людей не смогли. Вместо этого они обнаружили многочисленные противоречия между государственной политикой милитаризации и отношением к ней различных социальных групп.

Анализ полученных данных обнаружил, что в постсоветской России одновременно происходят два разнонаправленных процесса: демилитаризации и ремилитаризации. С одной стороны, воинская служба по призыву до сих пор не отменена (хотя по пути отмены пошли многие западные страны), с другой — связь патриотизма и службы в армии в общественном сознании ослабевает. Участие в боевых действиях и дедовщина воспринимаются многими как воинская инициация, но они также являются причиной, по которой молодые люди не хотят служить в армии. В то время как группы солдатских матерей в Санкт-Петербурге и Москве борются против воинской службы по призыву, региональные группы солдатских матерей воспроизводят военизированные маскулинности, призывая молодых людей служить, а их матерей — поддерживать их в этом.

Противоречивость процессов, происходящих в постсоветской России, находит отражение и в тех социальных, экономических и политических последствиях военной службы в горячих точках, с которыми столкнулись бывшие участники боевых действий в Чечне в период с 1994 по 1996 и с 1999 по 2009 гг. после того, как вернулись домой. Материалы исследования Айхлер показывают, что ветераны первой и второй чеченской войны оказались в довольно непростой ситуации. Проходя службу в армии и участвуя в боевых действиях, они выполняли свой гражданский долг, однако по возвращении в мирную

жизнь не получили должного признания ни со стороны общества, ни со стороны государства. Они испытывали сложности с трудоустройством и в личной жизни и долгое время не получали выплат и льгот, положенных им как ветеранам.

Данная монография несомненно будет интересна социологам и специалистам в области гендерных, мужских и других исследований, так как представляет результаты качественного исследования постсоветских военизированных маскулинностей и механизмов их конструирования и воспроизводства в рамках процессов ре- и демилитаризации. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что на сегодняшний день вопросы, связанные с маскулинностью военных и ветеранов военных действий конца XX — начала XXI в., все еще остаются мало изученными. Российские и западные исследователи уделяют довольно много внимания российской семейной политике и трансформации женского гражданства, в то время как вопросы милитаризации общества и мужского гражданства остаются в тени.

В заключение хотелось бы отметить, что данные публикации, рассмотренные вместе, дают нам некоторое представление о нынешнем векторе развития мужских исследований. Они представляют своеобразный срез актуальных на сегодняшний день исследовательских задач и проблем, с которыми сталкиваются исследователи. Так, работа Дэвида Бухбиндера показывает, что с развитием гендерных и мужских исследований следует переосмыслить и заново анализировать некоторые, казалось бы, хорошо знакомые нам явления, которые всегда были неразрывно связаны с феноменом маскулинности. Изыскания Дэвида Бенатара обнаруживают бедность и недостаточную проработанность языка мужских исследований и высокую чувствительность некоторых тем, что в значительной мере осложняет публичные обсуждения ряда вопросов, а работа Майи Айхлер — существование в мужских исследованиях белых пятен, явлений и феноменов, о которых мы имеем весьма скудное представление.

Библиография

- Большой толковый медицинский словарь. Основные термины и понятия по медицине. М.: Вече, АСТ, 2001 Т. 1. А–М. <<http://www.medsrv.ru/html/g/gemohromatoz.html>>.
- Большой энциклопедический словарь. М.: АСТ, Астрель, 2008 <<http://www.vedu.ru/bigencdic/19171/>>.
- Здравомыслова Е., Теткина А.* Кризис маскулинности в постсоветском дискурсе // Ушакин С. (ред.). О муже(Н)ственности. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 432–451.

- Маркедонов С., Силаев Н.* Кавказский фронт // Дружба народов. 2005. № 7. С. 171–188.
- Пушкарева Н.* Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. С. 8–23.
- Темкина А., Роткирх А.* Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4–15.
- Шевченко О.* «Если ты такой умный, то почему такой бедный?»: утверждая мужественность технической интеллигенции // Ушакин С. (ред.) О муже(Н)ственности. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 288–302.
- Buchbinder D.* Performance Anxieties: Reproducing Masculinity. Sydney: Allen & Unwin, 1998.
- Oxford Dictionaries. Oxford: Oxford University Press. 2013. <<http://oxforddictionaries.com/definition/english/discrimination>>.

Анна Авдеева

«Не любопытства ради, а познания для...» К 75-летию Юрия Борисовича Симченко / Н.А. Дубова, Ю.Н. Квашнин (ред.). М.: Старый сад, 2011. 411 с.

Елена Геннадьевна Федорова
Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург
elenfed@kustkamera.ru

Каждый из нас на протяжении своей жизни встречает разных людей: это обычные люди и Личности, которые притягивают к себе как своим профессиональным авторитетом, энциклопедическими знаниями, так и многими другими чертами, выделяющими их из общей массы — разнообразием интересов, особым чувством юмора, искренней способностью помогать другим. К числу таких Личностей относился и Юрий Борисович Симченко (1935–1995), к 75-летию которого его друзья, коллеги и ученики подготовили сборник, содержащий научные статьи и воспоминания об этом выдающемся человеке.